

А. И. КУЗНЕЦОВА

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В МОРФОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В морфологии русского языка существует ряд грамматических явлений, которые относятся к периферийной области, однако представляют значительный интерес, поскольку отражают язык в движении, демонстрируя обычно его изменчивость в большей мере, чем регулярные грамматические явления. Такие явления свидетельствуют о сложности структуры языка. Они своего рода исключения в языке, смысл и назначение которых состоит как бы в том, чтобы подтверждать общие правила. Это хорошо видно на примере двух следующих групп слов русского языка — слова-одиночках и корневых словах.

1. СЛОВА-ОДИНОЧКИ

В лексико-грамматической системе русского языка слова-одиночки занимают особое место; подобно круглым сиротам, они не имеют никаких родственников в языке. Понятие «слов-одиночек» может быть истолковано двояко: с точки зрения словообразовательных связей слов и с точки зрения морфемного состава слов.

С этой последней точки зрения под словами-одиночками понимаются прежде всего корневые слова (подробнее о них см. раздел II), совершенно не имеющие в языке производных, такие, как *болеро, галифе*¹, *дезабиле, дольмен, зело, кабаре, казино, какаду, каноз, катавасия, клише, колье, лапилли, лье, лярд, медресе, мулне, мулла, нуга, панацея, пери, пи, пюре, тапир, хаки, эспри* и др. Разумеется, производные от них постепенно могут возникнуть, и это в речи нередко наблюдается, хотя словарями такие производные пока не зафиксированы. Например, от аббревиатуры-одиночки *цека* встречается образование *цековский*, но в словарях его нет; от существительных *тандем, тефтели, чембало* возможны образования *тандемный, тефтелька, чембалист*, также не проникшие еще в словари. С другой стороны, неко-

¹ Среди слов-одиночек немало слов, первоначально функционировавших в качестве имени (7,5%). Перенесение имени наблюдается не только в слове *галифе*, но и в существительных *берданка, леспедеца, лимузин, макинтош, рудбекля, тильбюри, фигаро, цинния, цицеро, шимпанзе, эрстед, эльзевир* и др.

торые из слов-одиночек в прошлом имели производные, теперь утраченные, например, в словарях XVIII—XIX веков фиксировались производные от *вено* — *венити, веновый*; спортивный термин *гит* в XIX веке имел производное *гитовый*; диалектное слово-одиночка *слуда*, приводимое и в словаре современного русского литературного языка, в прошлом имело много производных: *сл 8 дьба, сл 8 дьныи, сл 8 д-аныи, слудъвеньи*.

Помимо корневых слов, к словам-одиночкам могут быть отнесены слова со связанными основами, корни которых, встречающиеся только в одном слове, можно выделить лишь по аналогии, исходя из существующей системы аффиксов. Так, в словах *лоретка, гризетка, мисюрка, митенка* можно говорить о корнях *лорет-* и *гризет-* по аналогии со словами *бабка, брюнетка, эстетка* и *мисюр-* и *митен-* по аналогии со словами *корсетка, кассетка, котлетка, табуретка* и др.

Наоборот, слова типа *автоклав, конклав*, входящие с точки зрения морфемного анализа в одно гнездо с общим корнем *клав-*, не будут словами-одиночками, тогда как с точки зрения словообразовательного анализа их, несомненно, надо отнести к последним, поскольку ни от того, ни от другого производных в русском языке нет.

В настоящем разделе статьи речь пойдет о словах-одиночках, рассмотренных в плане морфемного состава слов.

Судя по результатам обработки 120 тыс. слов современного русского литературного языка², слова-одиночки составляют 2% в русском языке³, из них около 13% — несклоняемые существительные, реже — прилагательные типа *сомо, фрез, хаки*. Среди несклоняемых слов-одиночек встречаются и аббревиатуры разного рода: *га* — из греч. *εκατόν* и фр. *аге*; *линкор*⁴ — из сочетания «линейный корабль» (ср. *эсминец* — эскадренный миноносец; *фехраль* — сокращение из наименования сплава железа (лат. *Fe*), хрома и алюминия; *эмиртон* — из сочетания «электрический музыкальный инструмент Римского-Корсакова, Иванова» плюс «тон» и т. п.).

Распределение слов-одиночек по частям речи существенно отличается от распределения по частям речи остальных слов русского языка, а именно: 94% приходится на имя существительное и лишь 6% — на остальные части речи, в первую очередь на служебные элементы (особенно междометия, в меньшей степени — частицы и союзы). Глаголы и прилагательные составляют незначительный процент среди слов-одиночек (соответственно 1 и 1,7%). Интересно, что глаголы-одиночки в основном представляют собой просторечия или диалектизмы, тем не менее отмечаемые в словаре русского литературного языка, а прилагательные — заимствования из других языков: *тазатъ,*

² Словарь современного русского литературного языка, тт. 1—17. М.—Л., 1948—1965.

³ С точки зрения словообразовательного подхода к данной проблеме, слов-одиночек должно быть больше.

⁴ О наличии или отсутствии производных судится только по словарю-семнадацатитомнику. Не зафиксированные, но возможные образования не учитываются.

толшиться, хизнуть, шурстеть, цунячь, юзжать наряду с капитонировать, фетировать, фраппировать — из французского, с одной стороны, и облический, ювенильный (из латинского), цитварный (из немецкого), таусинный (из персидского), пюсовый (из французского), чагравый (из тюркского) наряду с собственно русскими образованиями типа *щирый*, с другой стороны. Прилагательные часто образуются от имен собственных и оформляются русскими суффиксами, типичными для прилагательных, например *куфический* (куфическое письмо) — по имени старинного арабского г. Куфа на р. Евфрате; *швицкий* (ш. порода, ш. скот) — от названия кантона Швиц в Швейцарии, где впервые была выведена эта порода скота; *меркаторский* (м. проекция) — от латинизированного имени Меркатор голландского математика и географа XVI века Г. Кремера, составившего ряд карт; *глауберова* (соль) — по имени немецкого химика и врача XVII века Глаубера и проч.

По своему происхождению слова-одиночки почти на 90% представляют заимствования из других языков. По нашим сведениям, около 60% — заимствования в русский язык из других индоевропейских языков (особенно много из французского и германских языков, а также из греческого и латинского) и около 7% — из тюркских языков. Встречаются также, но в малом количестве, заимствования из семито-хамитской, финно-угорской, кавказской, китайско-тибетской и других языковых семей.

Характерно, что в пределах собственно русских по происхождению слов-одиночек (а их ~ 11%) почти половина — слова не литературные, а областные (реже просторечные или специальные), как, например, *верес*, *друэг*, *клуня*, *крига*, *кулеш*, *лан*, *мар*, *мизгирь*, *музга*, *рептух* (по Фасмеру, впрочем, — из немецкого языка), *слуда*, *стодола*, *рахманный* и др. Последний пример — редкий для русского языка случай энантиосемии: по свидетельству словаря Даля, на юго-западе и юго-востоке от Москвы это прилагательное означает «вялый, смиренный, скучный», а на севере и востоке — «веселый, разгульный» (в словаре-семинадцатитомнике оно дается со значением «веселый»). Многие из этих слов в том диалекте, откуда они пришли, не являются словами-одиночками, а входят в гнезда родственных слов, например *мизгирь*, *мизгирный*, *мизгириха* «яичница», *мизгирина* «паутина» и др.; *крига*, *крижный*, *крижить* и т. п.

Время заимствования в русский язык слов-одиночек преимущественно позднее: на XIX век приходится 57%, на XX — 19%, на XVIII — 13% всех заимствований. Но, несмотря на свой поздний приход в русский язык, около 6% слов-одиночек уже устарело. Вряд ли кто из говорящих по-русски знает сейчас, что такое *тараса*, *крамбамбули*, *крин*, *комераж*, *лабет*, *лансье*, *меледа*, *мурин*, *мушар*, *руга*, *соника*, *тифон*, *утин*, *фишю*, *шмерц*, *шу*, *плерезы*⁵ и др. (впро-

⁵ Среди слов-одиночек изредка встречаются слова Pluralia tantum, вроде устар. *плерезы* «траурные нашивки» или *тефтели*. Ср. также: *анты*, *бармы*, *венеты*, *джунгали*, *иды*, *инки*, *кимеры*, *кортесы*, *куранты*, *немертины*, *ночвы*, *пикетки*, *роксоланы*, *туманы*, *фижмы*, *чанахи* и др.

чем, и не устаревшие слова-одиночки, будучи часто узкоспециальными и оставаясь в силу этого варваризмами, известны далеко не всем носителям современного русского литературного языка).

В семантическом отношении слова-одиночки русского языка весьма разнородны. Здесь встречаются и биологические названия (их больше всего: *гоми*, *динго*, *ипекакуана*, *колибри*, *кутум*, *лори*, *оцелот*, *палоло*, *порей*, *сумах*, *тирлич*, *ткемали*, *тулес*, *турустан*, *тэк*, *фейхоа*, *цинния*, *чибис*...), и музыкальные термины, включающие и названия танцев, которых особенно много (*игиль*, *котильон*, *лансье*, *матчиш*, *ребаб*, *ригодон*, *си* и некоторые другие названия нот, *фуэтэ*, *хота*, *чембало* и проч.), и спортивные (*гейм*, *гольф*, *драйв*, *кроль*, *скетинг*, *спурт*, *хертель*, *хук*...), и наименования денежных единиц разных стран (*лев*, *лек*, *лея*, *лепта*, *ливр*, *форинт*, *флорин*, *цехин*, *шелег*, *эку*, *эскудо*, *юань*, *крейцер*...), и названия народов и национальностей (*анты*, *венеты*, *игдыр*, *ингры*, *инки*, *кимеры*, *обры*, *пикты*, *шапсуги*...), и названия продуктов питания, включая многочисленные сорта вин (*бри*, *эразы*, *каймак*, *кнели*, *книш*, *кулеш*, *люнель*, *маца*, *мацони*, *хала*, *чанахи*, *чадохбили*, *честер*, *шнапс*, *шницель*, *эль*...), и карточные термины, по большей части устаревшие (*ералаш*, *лабет*, *макао*, *соника*, *фоска*, *экарте*...), и наименования видов одежды (*матине*, *малахай*, *паница*, *парка*, *шалъвары*, *шорты*, *шушпан*, *яломок*...) и т. п.

Слова-одиночки обладают особо низкой частотой встречаемости. Подавляющее большинство из них ни разу не встретилось в выборке на 400 тыс. словоупотреблений⁶, например *анчар*, *ашуг*, *бармы*, *бри*, *колье*, *ливр*, *ляпус*, *лярд*, *луза*, *макса*, *малахай*, *мамалыга*, *матлот*, *махаон*, *меламед*, *меню*, *меренга*, *мулине*, *ореол* и тысячи других. Лишь около сотни слов-одиночек из двух с половиной тысяч отмечено один-два раза: *арба*, *бодяк*, *брутто*, *кипа*, *мавзолей*, *мириады*, *мольбэрт*, *ля*, *одр*, *рею*, *пигмей*, *пирога*, *фижмы*, *фойе* и под. Отдельные слова-одиночки (около 20) имеют более высокую частотность. Так, существительные *холл*, *лимб*, *корпия* отмечены соответственно 15, 12 и 14 раз на 400 тыс. словоупотреблений (в одном тексте каждое). Существительное *марзан* встречалось 6 раз также в одном тексте: у слов-одиночек *иго* и *овация* — 6 употреблений в 5 текстах, служебное слово *ага* встретилось 5 раз в 5 текстах, существительное *нары* — 10 раз в 4 текстах и т. п. Единственным исключением являются союзы *ли* (*или*), которые в указанной выборке встретились 2034 раза в 375 различных текстах.

Таким образом, слова-одиночки представляют собой особую группу слов русского языка не только в структурно-семантическом отношении, но и по квантитативности.

Большая часть слов-одиночек, как мы видели, является корневыми словами, хотя среди них возможны и связанные основы. В свою очередь, корневые слова могут быть словами-одиночками, но чаще входят в гнезда родственных слов. Рассмотрение корневых слов в дан-

⁶ См.: Кулешова Л. В. Описание корней русского языка с помощью статистических методов. Приложение IV: Частотный словарь корней русского языка (канд. дисс., рукопись).

пой работе проводилось на меньшем по объему материале (не учитывались поздно заимствованные корневые слова). Вместе с тем они анализировались не только в системе, но и в тексте. Результаты этого анализа изложены в следующем разделе настоящей статьи.

II. КОРНЕВЫЕ СЛОВА

В силу того простого обстоятельства, что в любом языке нет слов без корней⁷ (исключения из общего правила типа русского *вы-Ø-нуть* опять-таки лишь подтверждают само правило), понятие корня в лингвистике приобрело огромную важность. Корневые морфемы изучались издавна и с самых разнообразных точек зрения — этимологической⁸, семантической, с точки зрения фонемного состава, но почти никто не обращался к вопросам функционирования корней в речи в качестве самостоятельных, отдельных слов. Для подавляющего большинства языков до сих пор неизвестно даже общее количество корней в языке, не говоря уже о количестве корневых, самостоятельно функционирующих слов⁹, хотя интерес к этим вопросам возник (по

⁷ Следует указать при этом, что значения, приписываемые корню, у самостоятельных и служебных слов различны и что возможны такие слова (заимствованные сложные), корень которых на русской почве вообще ничего не значит: ср. *аэро-дром*, *вело-дром*.

⁸ Интерес к проблеме корней возник у лингвистов в связи с разработками точных методов в этимологии. Уже Ф. Бопп в начале XIX века (см. Бопп Ф. Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого. — В кн.: Зве́г и цев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. I. М., 1960, с. 33—35) построил теорию, по которой в индоевропейской семье языков все слова первоначально производились от односложных корней: из глагольных образуются глаголы и имена существительные, а местоименные корни лежат в основе местоимений, первичных предлогов, союзов и частиц: большая часть окончаний, например личные флексии глагола и многие падежные окончания, также были когда-то, согласно Боппу, самостоятельными корнями. В период критики младограмматиками гипотез о происхождении грамматических форм, занимавших столь видное место у Боппа и Шлейхера, появились возражения против принятого ими всеобщего принципа агглютинации. Вопрос оказался значительно сложнее, чем предполагалось.

⁹ Незнание этого факта сказалося на таком, казалось бы, далеком от обсуждаемой темы вопросе, как составление искусственных языков, первые попытки создания которых относятся к XVII веку. Творцы их (независимо от того, придерживались они априорного или апостериорного принципа конструирования слов) уделяли наибольшее внимание запасу корней своих языков. Начиная с самого раннего опыта создания искусственного языка у Я. Коменского («Панглотика» 1665 или 1666 г. — см. Miskovská V. T. La Panglottie de J. A. Komensky. — «Philologica Pragensia», 1959, v. 2, № 4, p. 97—106), где словарь универсального языка мог бы, по мнению его автора, содержать около 200 корней, из которых путем аффиксации, удвоения и внутренней флексии можно было бы производить все нужные для общения слова, идет непрерывное увеличение именно корневого запаса конструируемого языка. Так, в проекте всеобщего языка И. Ньютона (дается по кн.: Сवादост Э. П. Как возникнет всеобщий язык? М., 1968, с. 86) насчитывается уже 2400 частиц, среди которых больше половины — корни. Волапук И. М. Шлейхера 1879 г. создания («Volapük, всемирный язык». М., 1886, 85 с.) имел лексикон в 3000 корней (аффиксы, обычно называемые префиксами или окончаниями, в словарь включались только в том случае, если данный аффикс мог быть и самостоятельным словом, например, *mi* — скверный; *ti* — приставка к глаголу,

крайней мере среди русских лингвистов) около 150 лет назад¹⁰. В конце 80-х годов XIX века на страницах журнала «Филологические записки» появилась статья, автор которой признавался: «Составление корнесловного словаря есть заветная мечта всех любителей русского просвещения и русского слова»¹¹. Для осуществления этой мечты понадобилось еще 80 лет. В последние десятилетия нашего века появилось несколько словарей корней русского языка¹², из которых самый большой по объему — «Словообразовательный словарь русского языка» Д. Ворта, А. Козака и Д. Джонсона.

Корневой запас русского языка, по словарю Д. Ворта, А. Козака и Д. Джонсона, составляет около 11 000 единиц, но более половины из них — заимствованные корни. Если не принимать в расчет поздние заимствования и каждый вариант корня считать за самостоятельную единицу, то современный русский язык располагает приблизительно 5000 корней¹³.

Далеко не все корни, оформленные при помощи различных окончаний, способны функционировать в современном русском языке как самостоятельные слова. Это возможно для так называемых свободных корней в отличие от связанных¹⁴, существующих в языке только в

выражающая отрицание или возвращение действия). Эсперанто Л. Л. Заменгофа 1887 г. создания (Zamenhof L. L. Esperanto. Universal vortaro de la lingvo internacia. Универсальный словарь международного языка. 3-а edono. Varsovio, 1900, 72 с.), первоначально содержавший лишь 900 корней, в окончательном своем варианте насчитывает около 2600 корней. Серьезные конкуренты эсперанто, языки Идиом-Неутраль Розенбергера (1898 г.) и Идо — реформированный эсперанто — Луи де Бофрона (1907 г.), увеличили свой словарь соответственно до 9000 и 10 000 корней. При составлении корпуса корней своих языков создатели искусственных языков действовали вслепую, поскольку не имели никаких сведений о корневом запасе ни одного из естественных языков.

¹⁰ Обзор соответствующей литературы см. в кн.: Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка, гл. II. Самарканд, 1971, с. 50—132.

¹¹ Линник Г. Е. Образование слов в языке и задачи словопроизводства. Образцы корнесловия. — «Филологические записки», т. XXVI, вып. 1. Воронеж, 1887, с. 24.

¹² Wolkonsky C., Poltoratzky M. Handbook of Russian Roots. N. Y., 1961, XXVI+414 p.; Worth D. S., Kozak A. S., Johnson D. B. Russian Derivational Dictionary. N. Y., 1970, XXIV+748 p.; Aschenbrenner M. Russische Wortkunde. Göttingen, 1971; Gribble Ch. Russian Root List, with a Sketch of Word Formation. Cambridge, Mass., 1973.

¹³ По данным Ю. Покорного, в индоевропейском языке-основе корней насчитывается и того меньше — около тысячи (Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959).

¹⁴ В русистике термины «свободный» и «связанный», введенные Г. О. Винокуром, встречаются обычно применительно к основам, которые могут быть свободными и связанными (см.: Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. «Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз.», 1946, т. V, вып. 4. Ср. также: Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, с. 135—141). Однако в области морфологии термины «свободные» и «связанные» используются иногда в другом значении и применительно не к основам, а к морфемам. Подразделение морфем на свободные и связанные (см.: Блумфильд Л. Язык. М., 1968, с. 187) соответствует в целом делению их на корни

соединении с теми или иными префиксами и (или) суффиксами и никогда не употребляющихся без них. Свободные же основы могут быть как производными, так и непроизводными, т. е. чистыми корнями, иначе говоря, корневыми словами.

Именно об этих корневых словах современного русского языка и пойдет речь в настоящем разделе.

Работ, специально посвященных корневым словам, очень мало¹⁵. Между тем при изучении корней возникают проблемы, имеющие большое теоретическое и практическое значение для описания морфемного состава русского языка. В связи с этим важно было бы выяснить: 1) общее количество корневых слов в современном русском языке; 2) количественное распределение корневых слов по различным частям речи; 3) все ли корни, соединяясь с соответствующими окончаниями, могут выступать в языке то как существительное, то как глагол, то как прилагательное или некоторые корневые слова всегда функционируют в качестве только какой-либо одной части речи; 4) все ли свободные корни способны обрастать производными или есть такие корни, которые совсем не имеют словообразовательных гнезд.

С целью выяснения этих вопросов были обследованы корневые слова, зафиксированные в «Орфографическом словаре русского языка» под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро 1963 г. издания (иностранные корневые слова позднего времени заимствования не рассматривались), а также слова-корни, представленные в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» 1948—1965 гг. издания, отсутствующие в «Орфографическом словаре». Кроме того, были учтены формы спряжения глаголов (например, *зуж-у, нос-ит* — корневые слова в отличие от *зудеть, носить*), склонения существительных (корневыми словами являются не только формы *лб-Ø, ёж-Ø*, но и *лб-ы, еж-и*) и краткие формы прилагательных (*весел-ый и весел-Ø, пресн-ый и пресн-Ø*). В результате в пределах исследованного массива слов общая численность корневых слов оказалась более 3700, из них 2700 — в их основных формах, т. е. в им. падеже или в форме инфинитива¹⁶, и приблизительно 1000 — в формах склонения и спряжения (более 800 корневых глаголов, 200 существительных и 20 прилагательных). В дальнейшем речь пойдет только о 2700 корневых словах, рассматриваемых в их

п аффиксы, хотя, впрочем, оба деления не всегда совпадают. Справедливую критику исходного утверждения Блумфилда см.: Кубрякова Е. С. Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка. — «Вопросы языкознания», 1964, № 1, с. 95—100.

¹⁵ См.: Соколова М. А. К вопросу о корневых словах (на материале имен существительных). — «Учен. зап. Ленингр. ун-та», 1956, № 198. Сер. Филол. наук, вып. 24, с. 225—233. Теоретически данного вопроса касался Эд. Ф. Оливерус в своей монографии «Морфемный анализ современного русского языка» («Проблемы современной лингвистики», Прага, 1967).

¹⁶ Показатели инфинитива *-ть, -ти*, в согласии с точкой зрения многих исследователей русского языка, считались окончанием, а не суффиксом.

исходных формах (в случае привлечения остального материала будут делаться специальные оговорки).

Среди корней всех проанализированных корневых слов оказалось (на уровне письменной речи) около 270 случаев «омонимии», причем более половины из них — омонимы между свободными корнями (*век-Ø* и *век-о, вес-ы* и *вес-ти, сук-Ø* и *сук-а*), чуть менее 100 — между свободными корнями и несвободными алломорфами какой-либо морфемы, другие алломорфы которой свободны, типа *храм-Ø* и *при-храм-ыва-ть* (ср. *храм-ой*). Реже всего наблюдается омонимия между корнями свободными и связанными (последние составляют в русском языке около 30%): *дерево* и *дерево-ушк-а*, ср. *деревня; торг-Ø* и *вос-торг-Ø, ис-торг-а-ть; слон-Ø* и *за-слон-Ø, при-слон-и-ться*.

Большинство корневых слов (из всего числа их) входит в словообразовательные гнезда, различные по количеству своих членов, но чуть более одной шестой части (около 500) не образует никаких словообразовательных гнезд, являясь словами-одиночками; при этом 15 корневых слов — прилагательные (*пелесый, солощый, гверезый, чубарый*), в то время как остальные слова — существительные (глаголы встречаются лишь в формах спряжения, а не в инфинитивах: *тарабан-ит, табан-ит*).

* * *

Корневые слова в современном русском языке приходятся в подавляющем большинстве на имя существительное (более 2250). Выше 2100 корней при оформлении их нулевой флексией (более 1200) либо каким-нибудь реальным окончанием (более 900) образуют по одному имени существительному¹⁷. Некоторые из этих корней являются алломорфами одной морфемы¹⁸: *бирюк-Ø* и *бирюч-Ø, благо* и *блажь-Ø, бобер-Ø* и *бобр-Ø, бубен-Ø* и *бубны-ы, ветер-Ø* и *ветр-Ø, клик-Ø* и *клич-Ø, целок-Ø* и *целочь-Ø, ярм-Ø* и *ярм-о* и множество старославянских и русских параллелей, среди которых есть слова, семантически разошедшиеся, а есть и семантически тождественные, но стилистически различные¹⁹: *елась-Ø* и *волось-Ø, врат-а*

¹⁷ М. А. Соколова, перечисляя группы корневых существительных (кстати, с некоторыми примерами трудно согласиться: так, вряд ли можно считать непроизводным слово *пожар* и множество подобных ему из группы № 4), относит к ним слова на *-ье, -ья* (*зелье, адоровье, скамья, свинья*), а также существительные с формантой *jo* (орфографически *-ё*: *белё*) и с *l-epentheticum* (*воплъ, люблю*) (см.: Соколова М. А. Указ. соч.). В настоящей статье такие формы (около 150) не рассматривались, поскольку считается, что они содержат суффикс *-л-* и *-j-* (обычно скрытый на письменном уровне).

¹⁸ Всего в объеме исследованного материала одноалломорфных морфем более 1500, а несколькоалломорфных — около 1000, причем одни алломорфы — корневые слова, а другие встречаются в связанном состоянии.

¹⁹ См.: Лопатин В. В. Мена полногласия и неполногласия в словообразовании современного русского языка. — «Русский язык в школе», 1970, № 6. Ср. также: Тихонов А. Н. Указ. соч., с. 291—295.

и *ворот-а*, *глав-а* и *голов-а*, *глад-Ø* и *голод-Ø*, *глас-Ø* и *голос-Ø*, *древ-о* и *дерев-о*, *стран-а* и *сторон-а* и др.

В группу корневых слов, выступающих в функции существительного, входит около 60 таких, корни которых могут быть корнями не одного, а двух и даже трех различных по смыслу (изредка одинаковых) существительных, имеющих разные окончания.

Во-первых, это существительные, представляющие собой коррелятивные названия лиц и животных мужского и женского пола, часто с меняющимся ударением: *внук-Ø* — *внук-а*, *глист-Ø* — *глист-а*, *кум-Ø* — *кум-а*, *лис-Ø* — *лис-а*, *раб-Ø* — *раб-а*, *скаред-Ø* — *скаред-а*, *транжир-Ø* — *транжир-а* (всего немногим более 10). Иногда в таких парах наблюдается фонеморфологическое альтернирование: *тесть-Ø* — *тещ-а*. Говоря о корреляциях подобного типа, А. Г. Лыков²⁰, а вслед за ним Р. А. Маркарян²¹ указывают, что аффикс женского рода *-а* «в данном случае превратился из флексии, безразличной к лексическому содержанию основы, в суффикс, в определенном смысле предопределяемый содержанием основы». Однако в настоящей работе этот «флективный суффикс» оценивается все же как окончание, а сам корень, таким образом, считается свободным.

Сюда же можно отнести и некоторые названия предметов с колебаниями в роде, т. е. слова, параллельно функционирующие в речи в мужском, женском и среднем роде. Изменение рода существительных (называющих не лица, а неодушевленные предметы) нередко бывает связано не только с изменением окончания, но и со смягчением конца основы (значение при этом не меняется): *мыт-Ø* — *мыт-о* «пошлина», *пал-Ø* — *пал-я* «свая», *пасм-а* — *пасм-о*, *скирд-Ø* — *скирд-а*, *харч-Ø* — *харч-Ø*, *хлуп-Ø* — *хлуп-Ø* «кончик крестца у птиц, спец.», *чад-о* — 1. *чадь-Ø*, *чад-Ø* — 2. *чадь-Ø* и т. п. (ср. также колебания в пределах женского рода: *круч-а* — *кручь-Ø*, *стерн-я* — *стернь-Ø*, *голиц-а* — *голиць-Ø*, *хол-я* — *холь-Ø*). Одна из форм при этом может быть устаревшей (*харчь*), областной (*палля*), просторечной (2. *чадь*) или специальной (*хлупь*, *пал*).

Во-вторых, около 30 свободных корней составляет группу существительных, приводимых в Орфографическом словаре с окончаниями и единственного и множественного числа, как различные слова с разными значениями, в связи с лексикализацией форм числа, хорошо известной русскому языку: *вес-Ø* — *вес-ы*, *грязь-Ø* — *гряз-и*, *люд-Ø* — *люд-и*, *махр-а* — *махр-ы*, *молок-о* — *молок-и*, *мощь-Ø* — *мощ-и* (редкий для русского языка случай энантиосемии), *род-Ø* — *род-ы*, *толк-Ø* — *толк-и*, *торг-Ø* — *торг-и*, *цвет-Ø* — *цвет-ы*, *час-Ø* — *час-ы* и др. (вторые члены пар везде *pluralia tantum*, а первые то *singularia tantum*, то существительные с полной парадигмой). Этот ряд может быть увеличен за счет слов, не вошедших в словарь, но

²⁰ Лыков А. Г. Образование имен существительных со значением лица в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1959, с. 9.

²¹ Маркарян Р. А. Типы семантического взаимодействия в сфере формобразования и словообразования. Ереван, 1970, с. 16.

принципиально ничем не отличающихся от приведенных, например *карта* — *карты* (игральные), *лес* — *леса* (строительные) и т. п.

Довольно значительной, в-третьих, является группа таких корневых слов, корни которых представлены в русском языке сразу двумя существительными (с нулевым или реальным окончанием), четко различающимися по своему значению, типа *страж* — *стража*, *сторож* — *сторбжа*, *лад* — *лада*, *рев* — *рева*, *жар* — *жара*, *суша* — *сушь*, *зуда* — *зуд*, *ряд* — *ряда* «соглашение, договор об оплате» (устар.), *пол* — *полá*. Иногда при нулевом окончании основа может смягчаться; получается два разных слова с одним и тем же фонетически варьирующимся корнем и при одном и том же нулевом окончании: *глагол* — *глаголь* «название буквы», *ер* (ср. *еры*) — *ерь* «названия букв», *клад* — *кладь*, *мель* — *мельь*, *рез* «разрез, спец.» — *резь*, *цеп* — *цепь*. Чаще, правда, нулевое окончание бывает при мягкой основе, а при твердой — та или иная реальная флексия: *зерн-о* — *зернь-Ø*, *смол-а* — *смоль-Ø*, *сыт-á* — *сыть-Ø* (ср., впрочем: *вечер-Ø* — *вечер-я*, *сон-Ø* — *сон-я*).

Таким образом, если в первую и вторую подгруппы входят пары существительных, имеющих один корень и различающихся прежде всего грамматически (по роду и числу), а не семантически, то в третью подгруппу включены такие пары существительных, оба члена которых различаются в основном семантически, а грамматическое различие (по роду и числу) не столь существенно.

* * *

Небольшую группу корневых слов (около 50) составляют такие корневые слова, корни которых могут быть (с соответствующими окончаниями) корнями не только существительных, но и прилагательных, например: *благ-о* — *благ-ой*, *будн-и* — *будн-ий*, *вдов-а* — *вдов-ый*, *добр-о* — *добр-ый*, *зл-о* — *зл-ой*, *золот-о* — *золот-ой*, *лих-о* — *лих-ой*, *синь-Ø* — *син-ий* (что от чего образовано, в данном случае неважно), *прав-о* — *прав-ый*, *румян-а* — *румян-ый*, *скверн-а* — *скверн-ый*. Как и в группах, рассмотренных раньше, нередко основа существительного — мягкая перед нулевым окончанием и твердая в прилагательном: *новь-Ø* — *нов-ый*, *рябь-Ø* — *ряб-ой*, *старь-Ø* — *стар-ый*, *хворь-Ø* — *хвор-ый*, *хмурь-Ø* — *хмур-ый* и др.

На уровне морфем (а не морфов, о чем до сих пор шла речь) свободные алломорфы, составляющие морфему, также могут быть одни — существительными, другие — прилагательными: *ветошь* — *ветхий*, *глушь* — *глухой*, *гуща* — *густой*, *дичь* — *дикий*, *досуг* — *досужий*, *твердь* — *твердый*, *чернь* — *черный*, *тишь* — *тихий*.

Данная группа корневых слов является связующим звеном между корневыми словами-существительными и корневыми словами-прилагательными.

Такое же промежуточное положение занимают несколько слов — корней, выступающих в современном русском языке (при соответ-

ствующем оформлении) то как существительные, то как глаголы²². Интересно, что эта маленькая группа почти вся состоит из слов, кончающихся на *-чь*: *печь, течь, мочь*, где *мочь* — существительное употребляется только в просторечии (или в выражении *изо всей мочи*). В качестве глаголов эти корни попадают в один ряд с такими, как *беречь, влечь, волоочь, жечь, лечь, облечь, стеречь, стричь, толочь*, всего 13 (имеются в виду только непроездовые формы). Традиционно обычно считают, что в этих глаголах «инфинитив оканчивается на *-чь*»²³, но *-чь* можно в равной степени воспринимать и как показатель инфинитива, т. е. его суффикс (или окончание. Ср. примечание 15), и как характеристику конечной согласной корня при нулевом показателе инфинитива. В настоящей работе принимается второе из возможных решений. Среди всех глаголов на *-чь* формы *мочь, печь, течь* занимают особое место: подобно многочисленным примерам из английского языка типа *the pen — to pen, the water — to water, the face — to face* — они являются конверсивами, т. е. могут быть и существительными и глаголами. Корень *сечь* в этом отношении отличается от остальных форм на *-чь*, так как, имея нулевой показатель в глаголе, он оформляется флексией *-а* в имени существительном; на уровне письменной речи мы вообще имеем дело с алломорфами *сеч-//сечь- (сеча, сечь)*. К этим четырем свободным корням примыкает еще один — корень *ста-*, который с показателем *-ть* функционирует как глагол, а с окончанием *-я* — как существительное (*стая* «хлев»).

Итак, в пределах имени существительного встречаются корни, 1) соответствующие только одному корневому существительному (их более 2100); 2) образующие, за счет разных окончаний (или смягчения конечной согласной основы при одном и том же нулевом окончании), по два корневых существительных каждый (более 60); 3) образующие существительное и прилагательное (около 50) и 4) существительное и глагол, обычно путем конверсии (5).

* * *

Корневые слова среди прилагательных встречаются значительно реже, чем у существительных. Их чуть более 200, т. е. в 10 раз меньше, чем корневых существительных. Случай, когда один корень с разными флексиями дает сразу два прилагательных (*борзый* и *борзой*, *любый* и *любой*) или прилагательное и субстантивированное прилагательное (*кривой* и *кривая* (в математике), *многий* и *многое*), единичны. За вычетом этих единичных корневых слов остается около 180 корневых прилагательных, семантически весьма разнородных: здесь и цветные прилагательные (*алый, желтый*), и названия мастей (*бурый, каурый, половый, сивый, чалый, чубарый*...), и оценочные прилагательные (*гордый, грубый, плохой, хороший, щедрый*...),

²² О совпадении корней корневых существительных и корневых глаголов в парадигматике см. с. 221—222 наст. сборника.

²³ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 407.

и обозначения физических качеств человека (*толстый, слабый, хилый, худой*) или его физических недостатков (*немой, слепой, хромо- мой*...). Встречаются среди них прилагательные, описывающие внешность человека (*румяный, рыжий, седой*), передающие качество материала или вещества (*густой, жесткий, рыллый*...), и многие другие (объединение в микрополя проводится лишь в целях самой общей характеристики анализируемых корневых прилагательных).

* * *

Что касается глагольных корневых слов, то их в целом (см. выше) встречается значительно больше, чем прилагательных, а именно около 900. Однако корневых слов-инфинитивов лишь 10% от этого числа (включая корневые слова на *-чь*, о которых речь шла раньше). Это такие глаголы, как *бить, вести, выть, грызть, дать, дуть, знать, крыть, лить, мыть, мять, нести, ныть, пить, пасти, плыть, ползти, шить* и т. п. Изредка среди них попадаются Reflexiva tantum: *стараться, шляться*, в которых *-ся* неотделимо от *-ть* и поэтому может условно рассматриваться как часть окончания инфинитива *-ться*. У некоторых из Reflexiva tantum инфинитивы — связанные основы, а формы спряжения — свободные непроездовые, т. е. корневые слова, например *очут-ится, горд-ится*. Подавляющее большинство корневых глаголов является односложными и оканчивается на *-ть*, меньшая часть — двусложными с окончанием *-ти*.

Больше всего корневых глаголов отмечается при спряжении глаголов на *-ить* (около 600), причём треть из них — новые корни, не наблюдающиеся в качестве самостоятельных слов среди других частей речи (*носить — нос-ит, рушить — руш-ит*).

На втором и третьем местах стоят корневые глаголы в спрягаемой форме от основ на *-ать* (более 100, из них $\frac{4}{5}$ — корневые глаголы,

специфичные только для глаголов) и на *-еть* (около 60, $\frac{1}{3}$ — новые, свойственные лишь корневым глаголам). В глаголах на *-ать* есть приблизительно десятков глаголов, имеющих параллельно функционирующие формы 3-го лица ед. числа, из которых одна форма — связанная основа, а другая — свободная, характеризующаяся чередованием в корне: от *алкать* — *алкает* и *алч-ет*, от *метать* — *метает* и *меч-ет*, от *полоскать* — *полоскает* и *полощ-ет*, от *хныкать* — *хныкает* и *хныч-ет*.

Корневых глагольных форм от инфинитивов на *-оть* и *-ить* всего около 20, а новых корней среди них и того меньше.

Таким образом, больше всего корневых слов у существительных, на следующем месте стоят корневые глаголы. Если учитывать не только формы инфинитива, но и другие грамматические формы, то глаголов-корней (при наличии соответствующего окончания) насчитывается более 800, но около 500 из них, употребленные с другим окончанием, могут функционировать и как существительные (*воз-ит*

и *воз-Ø*, *дуд-ит* и *дуд-а*, *зуд-ит* и *зуд-Ø*, *зуд-а*, *сол-ит* и *соль-Ø*, *шелест-ит* и *шелест-Ø*; за редким исключением все примеры — на уровне письменной речи), и как прилагательные (*бел-ит* и *бел-ый*, *син-ит* и *син-ий*, *синь-Ø*). Поскольку в целом речь идет о корневых словах, рассматриваемых в исходных формах, как они даны в словарях, а не в парадигме, то эта большая группа слов и не упоминалась в той части статьи, где анализировались корневые существительные и прилагательные с их подгруппами.

Наконец, следует упомянуть о группе корневых слов (всего больше 100), выступающих в качестве неизменяемых в языке элементов: частиц, особенно отглагольных (*вишь*, *мол*, *дескать*, *чирк*), междометий (*ай*, *увы*, *ой*, *ага*, *ах*, *гм*), союзов (*как*, *пока*), реже — наречий (*тогда*, *сюда*, *тут*, *там*, *набекрень*, *везде*). В эту группу входит много звукоподражательных единиц, обычно редуцируемых в речи: *гав*, *дзинь*, *кря*, *тпру*, *тяв*, *чив*. Производные от них глаголы и существительные вызывают особый интерес с фонетической и семантической точек зрения²⁴.

Среди всех этих чистых корней, равных самостоятельным словам, более всего так называемых глагольных частиц (по терминологии И. И. Срезневского и А. А. Потебни²⁵) или сказуемых междометий (встречается также термин «глагольные междометия»). Они имеют глагольное происхождение — являются усеченными формами глагола. Судя по пометам в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка», их больше в разговорной речи, чем в литературном языке: *дерг*, *морг*, *прыг*, *скок*, *топ*, *хватъ*, *хлоп*, *цоп*, *царап*, *чирк*, *чмок*, *шлеп*, *шмяк*...

Некоторые из этих частиц выступают в предложении не только как глагольные частицы, но и как существительные. Еще А. А. Потебня указывал, что «необходимо отличать глагольные частицы, как: «он х л о п его в рожу», «он т о п ногою», от существительных подобнозвучных: «... свист п *хлоп*, людская молвь и конский *топ*»²⁶. В этом случае, как и в примерах с *течь*, *печь*, можно говорить о конверсивах.

Дополнительно к указанным группам корневых слов в современном русском языке можно назвать несколько корневых числительных (при этом и порядковые и количественные числительные образуются, как правило, от одного корня: *пять-Ø* — *пят-ый*, *шесть-Ø* — *шест-ой*, *девять-Ø* — *девят-ый*, *десять-Ø* — *десят-ый*) и несколько корневых местоимений (*я*, *она*, *сам*, *самый*...).

Распределение корневых слов в современном русском языке по частям речи и их количественное соотношение (с учетом не только основных форм, но и форм склонения и спряжения) можно представить в виде следующей таблицы.

²⁴ Ономатопоэтическая лексика (в том числе слова-корни) широко представлена в различных языках мира. См., например: Скаличка Б. Исследование венгерских звукоподражательных выражений. — «ПЛК». М., 1967, с. 277—316.

²⁵ См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. IV. М. — Л., 1941, с. 187—197.

²⁶ Потебня А. А. Указ. соч., с. 188.

Корневые слова	Количество	
	Основные формы	Формы склонения и спряжения
Существительные	2250 (=83%)	2450
Прилагательные	250 (= 9%)	270
Глаголы	100 (= 4%)	900
Прочие	100 (= 4%)	100

В данной таблице число корневых слов (2700 и 3720) превышает число корней, от которых они образованы, так как некоторые корни образуют несколько корневых слов, часто относящихся к различным частям речи. Число корневых слов от одного корня обычно не превышает трех. В исследованном объеме материала они возможны от единичных корней, например от корня *ер-* (*ер-Ø*, *ер-ы*, *ерь-Ø*) или от корней *син-* и *сон-* (*синь-Ø*, *син-ий*, *син-ит*; *сон-Ø*, *сон-я*, *сонь-Ø*) со смягчением конца основ в отдельных случаях.

* * *

Изучение корневых слов и слов-одиночек позволяет подчеркнуть некоторые существенные моменты в грамматическом строе современного русского языка.

1. 98% слов русского языка входит в ряды родственных слов. Слова-одиночки, не входя в словообразовательные гнезда, имеют мало шансов на длительное и активное функционирование в языке, в связи с чем в процессе развития языка они либо исчезают из языка совсем, либо сохраняются в какой-то очень узкой профессиональной сфере в виде терминов, либо обрастают производными, переставая быть словами-одиночками.

2. Основную массу слов-одиночек русского языка составляют заимствования (90,7%). Сфера их употребления часто бывает ограничена областью терминологии (музыкальной, спортивной, морской, биологической и т. п.). Наоборот, из остальных 98% слов русского языка подавляющее большинство — слова, русские по происхождению и общенародные по употреблению.

3. Если в языке в целом²⁷ существительные в количественном отношении занимают первое место (более 46%), глаголы — второе (более 30%), а прилагательные — третье (более 20%), то в корневых словах и словах-одиночках пропорции совершенно иные: существительные составляют 83% в корневых словах и 94% в словах-одиночках, на втором месте — прилагательные (9% в корневых словах и 1,7% в словах-одиночках), на третьем — глаголы (4% корневых слов и 1% слов-одиночек). Таким образом, распределение по разным частям речи в общенародной лексике более равномерно, чем в группе корневых слов и слов-одиночек, находящихся на периферии.

²⁷ Обратный словарь русского языка. М., 1974, с. 944.